

Дунай Иванович — сват (3)

Ай-я во стольнем во городе во Кееве
Ю ласкова князя ю Владимира
Заводилса, правó, почестен пир
Про всех про русских богáтырей,
Про всех палени́ц уда́лых,
Про всех ле купцов людей торговых,
Про всех ле бояр толстобрюхиих,
Про всех ле крестьян православных.
Да все на пиру да напивалися,
А да все на чесном да наедалися.
А ще из-за того ли стола из-за переднего,
А ще из-за тое лавки со дубовой,
А ще вставаёт ле солнышко Владимир-князь,
А ще выходит серёд на кирпичат пол,
А ще солнышко по пиру похаживат,
А ще сапог о сапог покалачиват,
А как гвоздик о гвоздик ён пощёлкиват,
Буйно́й ле ён главой он покачиват,
Ай-я жёлтыми кудрями ён потряхиват,
Ай-я белыми руками размахиват,
Ай-я злачныма перстнями он побрякиват,
Ай-я тихо-смирную речь да выговариват:
«А ще вы все тут, русские богáтыри,
А ще вы все сидите тут поженены,
А у всех вас жоны повыбраны».
Аж как все сидят да приёдрогнули,
А как приёдрогнули да приужахнули.
А как старший хоронетця за среднего,
А средний хоронетця за младшего,
А от младшего ответу нет.
Ай-я един Дунай, пра́во, весёл е сидит,
Весел сидит, высоко гледит,
Ай-я говорит ле Дунай да таковы́ слова:
«А ты ой еси, солнышко Владимир-князь!
Ай-я не буду ле за слово вешаной,

А я не буду ле за слово в ссылку сосланой,
А я не буду, право, расстреляной».
А и говорил, право, Владимир-солнышко-князь:
«Столько же, Дунай, да не упадывай,
Не единого словечка не утаивай,
Ай-я не будёшь ю меня казнён-вешаной,
А не будёшь ю меня в ссылку сосланой,
Ай-я не будёшь ю меня, право, расстреляной».
Ай-я говорит ле Дунай да таковы́ слова́:
«А и прежде-досель в молодú порú
Ай-я бывал, я живал в земле дальнеёй,
А и в дальнеёй земле да в Турецькоей,
А и в Турецкой земле да в королевской,
А и в королевской земле да Юидейской,
Ай-я у того я у князя юидейского,
У того ле Семена да Леховитого.
Ай-я три года жил ю него во конюхах,
А я три года жил ю него во писарях,
А я три года жил ю него во стольниках,
Как миновалось пора-времечко,
Немного прошло, право, деветь лет.
Ай-я да было у Семена две дочери:
Большая да дочь Овдотья Семёновна,
Да зла паленица да приудалая,
А меньшая-то дочь — Опрасенья дочь Семёновна.
А не бывала Опрасенья на светой Руси,
На светой Руси да в каменнóй Москве,
А и сидит ёна в крепкой тюрьме,
А и в крепкой тюрьме в камённой,
Ай-я сидит за семим стенами каменнами,
За семима дверями за железными,
За семима замочками немецкими,
Ай-я за семима околениками хрустальными,
Сидит она на стульчаке ремещатом.
Ай-я статным она статна́, полна возраста,
Волосом она руса́, лицом бела,
Ай-я сквозь ейну рубашку тело видетця,
Ай-я сквозь ейно тело да кости видятця,
Ай-я сквозь ейны кости мозг переливаетця,

Не скачѣн ли женьчуг перекатаетце.
А ще как можно перѣд князѣм стоять,
А ще как можно кнегиною звать».

(Зап. Астаховой А. М.: 7 июля 1929 г., сел. Усть-Цильма — от Носова Василия Прокопьевича, 65 лет, и Носова Якова Прокопьевича, 60 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 1: Былины Печоры: Север Европейской России. — 2001.